

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.П. Раин

**Св. Иоанн Златоуст
и семейная жизнь его времени**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1895. № 5-6. С. 465-504.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ

И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ЕГО ВРЕМЕНИ¹⁾.

ЕСЛИ для нравильности семейной жизни важно и необходимо точное разграничение областей влияния и деятельности мужа и жены, то еще важнее въ этихъ видахъ основательное успеніе существеннѣйшей и первѣйшой обязанности супруговъ, и предъ которой всѣ другія отступаютъ на задній планъ. Самый бракъ имѣеть свою цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, и если онъ не исполняетъ своего назначенія, когда у супруговъ не рождаются дѣти, такъ что они никогда не испытываютъ счастливѣйшаго сознанія своего родительства, то еще болѣе это примѣнно къ тѣмъ супругамъ, которые, и сдѣлавшись родителями, не умѣютъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей достойныхъ посчителей образа и подобія Божія. Рожденіе, какъ физический актъ, само по себѣ не требуетъ какихъ либо нравственныхъ усилий, и дѣти могутъ родиться даже у родителей, которые встрѣчаютъ появление каждого ребенка съ чувствомъ недовольства и досады; но для надлежащаго воспитанія дѣтей требуется множество условій и нравственныхъ усилий, и въ осуществленіи этой именно стороны супружеской жизни и обнаруживается виолѣ, насколько супруги оказались на высотѣ своего призванія и насколько достигнута священицѣйшая цѣль заключенного ими союза. При заключеніи брака у нихъ преобладало лишь чувство взаимной любви съ пріемью эгоистического желанія насладиться этой любовью. Теперь

¹⁾ Начало см. во II вып. «Христ. Чтенія» за наст. годъ.

при рождении детей является новое чувство — любви къ третьему существу, которое по самому своему положенію требуетъ самого тщательнаго и заботливаго о себѣ попеченія и ради блага котораго необходимо пожертвовать значительною частью того вниманія, которое отдавалось взаимнымъ супружескимъ отношеніямъ. При этомъ нерѣдко можетъ обнаружиться эгоизмъ супружеской любви и даже проявляться въ своего рода ревности, особенно и чаще всего со стороны мужа; но истинная супружеская любовь въ томъ именно и должна оказаться, что она съ обѣихъ сторонъ готова принести себя въ жертву новой привязанности и уступить мѣсто новому сладчайшему чувству — родительской любви къ дѣтямъ. Только при такомъ самоотреченіи супруговъ и возможно истинное воспитаніе дѣтей, и такъ какъ для этого очевидно требуются кромѣ естественной любви родителей къ дѣтямъ еще и нравственныя усиленія, то св. Иоаннъ Златоустъ, какъ величайший знатокъ человѣческаго сердца, не могъ не касаться и этой существеннѣйшей стороны въ семейныхъ отношеніяхъ, и действительно вопросъ о воспитаніи составляетъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ его бесѣдъ и поученій. Какъ проповѣдникъ, всю жизнь свою посвятившій учительству или духовному воспитанію своей паствы, онъ естественно болѣе чѣмъ кто нибудь понималъ, что пастырское слово тогда только можетъносить плодъ многій, когда оно падаетъ на добрую, уже подготовленную почву, а таковою она можетъ быть именно чрезъ воспитаніе дѣтей своими родителями въ добрыхъ началахъ религіи и нравственности.

Воспитаніе, по воззрѣнію св. Иоанна Златоуста, составляетъ неотъемлемую принадлежность родительства, такъ что и сами родители получаютъ свое право на этотъ высокій и важный титулъ не только за самое рожденіе дѣтей, но и за ихъ воспитаніе. Онъ прямо говоритъ: „То, что дѣлаетъ кого нибудь отцомъ, не есть только актъ рожденія, но еще и добroe воспитаніе; равно какъ и для того, чтобы быть матерью, не достаточно родить дѣтей, но и нужно еще умѣть кормить ихъ. Что я говорю истину, именно, что не кровь, а добродѣтель дѣлаетъ отцами, въ этомъ согла-

сятся съ нами сами родители”¹⁾). Такимъ образомъ оба родителя обязаны воспитывать своихъ дѣтей; по по самой природѣ вещей, воспитаніе, особенно въ его первыхъ стадіяхъ, болѣе принадлежитъ матери, чѣмъ отцу. Отецъ, какъ глава дома, обязанній заботиться о добываніи средствъ жизни, часто самыми своими занятіями отвлекается отъ домашняго очага и больше пребываетъ на агорѣ, чѣмъ дома; напротивъ мать, которой принадлежитъ завѣдываніе внутренними дѣлами семейной жизни, постоянно привязана къ домашнему очагу и, будучи постоянно окружена дѣтьми, естественно болѣе понимаетъ ихъ потребности, ближе стоитъ къ ихъ духовному состоянію и развитію и потому является ближайшой и естественной ихъ воспитательницей. И когда св. Іоаннъ начинаетъ говорить объ этомъ, то его слова получаютъ особенный огонь восторженности, и невольно чувствуется въ нихъ, что когда онъ говоритъ о матери какъ воспитательницѣ, предъ нимъ живо возстаетъ дорогой образъ его собственной матери, которая всю душу свою положила на надлежащее воспитаніе своего сиротки - сына. Златоустъ, какъ извѣстно, былъ воспитанъ своею матерью Анѣусой. Онъ не помнилъ своего отца Секунда, послѣ котораго онъ остался безсознательнымъ малюткой, и напротивъ выросъ и воспитался на любящихъ рукахъ матери, самоотверженность которой въ этомъ отношеніи впослѣдствіи вызвала удивленіе даже у знаменитаго ритора Ливанія. Узнавъ о томъ, что его даровитый ученикъ Іоаннъ воспитанъ былъ исключительно попеченіемъ своей матери, которая ради этой высокой цѣли материнства пожертвовала всею своею молодостью и всѣми удовольствіями свѣтской жизни, Ливаній невольно воскликнулъ: „ахъ, какія есть у христіанъ женщины!” И она вполнѣ заслужила этотъ восторженный отзывъ. Насколько можно судить по случайнымъ указаніямъ, это была не только любящая женщина, но и весьма умная и образованная. Всесѣло обязанній своимъ воспитаніемъ такой своей матери, Іоаннъ естественно и вообще склоненъ былъ придавать матерямъ величайшее

¹⁾ Бесѣды объ Анеѣ, I, 3.

значеніе въ области воспитанія, и обязанность эту выводилъ даже доктринально—изъ самого факта паденія рода человѣческаго чрезъ женщину. Наша прародительница причинила человѣчеству величайшее зло, нарушивъ заповѣдь Божію чрезъ вкушеніе запрещеннаго плода. Поэтому она, а чрезъ нее и другія женщины, какъ ея дочери, должны искупить предъ человѣчествомъ эту тягчайшую вину, и онѣ дѣйствительно искупаютъ ее прежде всего муками рожденія дѣтей, а затѣмъ и трудами по ихъ воспитанію въ доброй нравственности. „Жена, прельстившись, впала въ преступленіе, говорить ап. Павелъ; впрочемъ, доказываетъ апостоль, она спасется чрезъ чадородіе, если (дѣти ея) пребудутъ¹⁾ въ вѣрѣ и любви, въ святости съ цѣломудріемъ²⁾. Объясненія смыслъ этихъ словъ апостола и обращаясь къ женщинѣ, Златоустъ говоритъ: „Ты страдаешь потому, что первая женщина подвергла тебя болѣзни, мукамъ дѣторожденія, томительности продолжительной беременности? Но не огорчайся: эти муки, эти болѣзни не представляютъ для тебя ущерба равнаго той пользѣ, которую ты можешь, если только хочешь, извлечь, и онѣ даны тебѣ для того, чтобы ты могла находить случай для совершенія добра въ дѣлѣ воспитанія твоихъ дѣтей. И дѣйствительно дѣти твоего чрева, если ты даешь имъ надлежащее попеченіе, если твоя заботливость внушиаетъ имъ добродѣтель, сдѣлаются для тебя источникомъ, причиной спасенія, и, кроме своихъ собственныхъ заслугъ, ты получишь великую награду за заботы, которыя ты посвятила этому дѣлу. И чтобы дать вамъ понять, что не рожденіе собственно дѣлаетъ матерью и что она не за-

¹⁾ Небезынтересно отмѣтить здѣсь своеобразное чтеніе текста у св. Иоанна Златоуста. По русскому синодальному переводу: «спасется чрезъ чадородіе, если пребудетъ», т. е. сама родительница. У Златоуста напротивъ: ἐὰν ἐπιμείνωσι относится къ дѣтямъ, т. е. если благодаря воспитанію отъ родительницы дѣти пребудутъ въ вѣрѣ и благочестіи. На этомъ чтеніи у него построено все толкованіе и изъ него именно только и можетъ вытекать логическое право женщины на объѣщаемую ей награду, какъ достигнутую великими усилиями своей воли. Чтеніе Златоуста, впрочемъ, въ данномъ случаѣ сходно съ греческимъ *textus receptus* и странно, какимъ образомъ славянскій и русскій отступили отъ его буквы.

²⁾ 1 Тим. II, 14, 15.

служиваетъ за это никакой награды, ап. Павель въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ вдовицѣ, (одобрительно) говорить о ней, прибавляя: «если она воспитала дѣтей» (1 Тим. V, 10). Онъ не говорить: «если она имѣла дѣтей», но—«если воспитала дѣтей». И дѣйствительно, въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ сама природа, а во второмъ—воля. Вотъ почему въ приведенномъ выше мѣстѣ, сказавъ: «она спасется чрезъ чадородіе», онъ не останавливается на этомъ, а желая показать, что награда заслуживается не произведеніемъ дѣтей на свѣтѣ, а надлежащимъ ихъ воспитаніемъ, онъ прибавляетъ слѣдующее: «если (дѣти) пребудутъ въ вѣрѣ и любви, въ святости съ цѣломудріемъ». Это значить: твоя награда будетъ хорошей, если дѣти, которыхъ ты произведешь на свѣтѣ, пребудутъ въ любви и святости. Если такимъ образомъ ты внушишь имъ эти добродѣтели, если ты убѣдишь ихъ въ этомъ, если ты научишь ихъ этому, если ты своимъ совѣтомъ утвердишь ихъ въ этихъ добродѣтеляхъ, то Богъ весьма наградитъ тебя за твои труды и заботы¹). Заботы по воспитанію дѣтей въ добродѣтели такъ важны, что Златоустъ въ одномъ мѣстѣ готовъ сравнить воспитаніе съ священнодѣйствиемъ, и жертва, которую приносить женщина-мать, воспитывая своего ребенка въ добрѣ и посвящая его Богу, выше даже той жертвы, которую приносили священники на алтарѣ всесожженія²). Въ примѣръ такой великой воспитательницы, не остановившейся предъ принесеніемъ своего горячими слезами выплаченаго сына на служеніе Богу, Златоустъ приводить матерь Самуила Анну, въ честь которой онъ произнесъ пять глубоко-замѣчательныхъ бесѣдъ³). Указывалъ на этотъ доблестный примеръ, Златоустъ восторженно восклицаетъ: „Матери, подражайте этой матери! Мужчины, соревнуйте съ этойю женщиной! Будемъ относиться къ нашимъ дѣтямъ съ такою же попечительностю, будемъ воспитывать ихъ съ такою же бдительностью въ исполненіи добродѣтелей и особенно цѣломудрія“⁴). И когда онъ вос-

¹⁾ In Annam, I, 3 и 4.

²⁾ In Annam III, 3.

³⁾ Будутъ помѣщены въ IV томѣ новаго русскаго изд.

⁴⁾ In Annam, I.

хваляеть эту благочестивую женщину, которая, какъ онъ говоритъ, была въ одно и то же время и отцомъ и матерью,—женщину, которая невольно воспроизвѣдалась въ его памяти, когда онъ начиналъ говорить о материнствѣ и воспитаніи,—ту женщину, красота души которой возбуждала удивленіе, а глаза, наполненные слезами и пламенной молитвой, воспламеняли чистѣйшую любовь, то въ этихъ восторженныхъ словахъ невольно звучали глубокотрогательныя ноты собственныхъ воспоминаній Златоуста изъ временъ сладкаго дѣтства, когда онъ имѣлъ счастье быть предметомъ нѣжнѣйшаго и тѣлеснаго и духовнаго попеченія со стороны своей матери Анеусы, воспитавшей для человѣчества какъ бы новозавѣтнаго Самуила¹⁾!

Самъ получивъ домашнее воспитаніе, св. Іоаннъ Златоустъ вообще мало знакомъ былъ собственно со школьнымъ складомъ жизни современного ему общества, и потому въ его твореніяхъ лишь изрѣдка встречаются указанія на эту жизнь. Правда, школы такъ называемыя грамматиковъ и риторовъ были довольно многочисленны въ такомъ большомъ городѣ, какъ Антіохія, и потому пастырь церкви, близко жившій съ своею паствою, не могъ, конечно, не знать и этой важной стороны въ жизни населенія своего родного города; но знаніе это во всякомъ случаѣ было уже болѣе теоретическимъ и случайнымъ, почему и указанія на него ограничиваются лишь случайными примѣрами. Такъ, изъ одного приводимаго имъ примѣра, взятаго изъ жизни школьнниковъ, можно заключать, что дисциплина въ школахъ его времени была весьма суровая и наказанія были весьма обыкно-

¹⁾ Вотъ въ подлинности эти восторженныя слова: «Я не могу отстранить эту женщину изъ своихъ мыслей,—настолько я восхищаюсь красотой ея души и ея внутренними прелестями. Я люблю эти очи, наполненные слезами во время молитвы и постоянно обзначенныя; эти уста, которыхъ никогда не обременялись какими нибудь снадобьями, а украшались лишь благодарностью къ Богу. Такою была эта восхищающая меня женщина потому, что она была мудрая; но я еще болѣе восхищаюсь ею потому, что она была въ одно и то же время и мудрая и женщина». In Annam IV, 3. Вотъ истинный идеалъ женщины-матери, и благо тому народу, въ которомъ онъ находить много женщинъ, готовыхъ стремиться къ его осуществленію!

веннымъ явленіемъ. Златоустъ, чтобы нагляднѣе изобразить положеніе грѣшника, рисуетъ картину состоянія школьніковъ—въ страшный для нихъ моментъ „спрашиванія“. Всѣ школьники, еще недавно чувствовавшиѣ себя безщечно и благодушно, подтянулись и затрепетали, въ ожиданіи, на кого сердитый учитель обратить свое грозное вниманіе и начнетъ спрашивать, приготовившись уже и производить экзекуцію надъ лѣнивцами и малопонятными. Въ то время, какъ учитель спрашиваетъ одного изъ нихъ, всѣ остальные стараются поскорѣе повторить и пребѣжать заданный урокъ, но это уже мало помогаетъ. Учитель весьма требователенъ и доходитъ до тонкостей, за незнаніе нѣкоторыхъ подвергаетъ безпощаднымъ побоямъ. Другіе, видя это, чуть живы отъ страха, и если кто нибудь изъ неунывающихъ шалуновъ изподтишка нанесетъ ударъ своему сосѣду, то тотъ не имѣеть смѣлости отвѣтить ему тѣмъ же, а въ ожиданіи худшихъ ударовъ отъ суроваго педагога старается получше усвоить заданный урокъ, и всѣ заняты одною и тою же мыслью — какъ бы выйти изъ школы безъ наказанія. Но вотъ классъ закончилъ и у всѣхъ отлегло на душѣ. Подвергшись наказанію, или счастливо избѣгнувъ его, всѣ школьники ожидаютъ и возвращаются къ прежнему беспечному настроенію, какъ будто только что пережитыхъ ужасовъ совсѣмъ и не бывало¹⁾.

При недостаточной развитости школьнаго дѣла въ древности, тѣмъ большее распространеніе имѣла система собственно домашняго образованія чрезъ наемныхъ учителей, и это воспитаніе цѣнилось выше и даже было своего рода предметомъ честолюбія богатыхъ людей, которые считали нѣсколько унизительнымъ для своихъ

¹⁾) Западные писатели гораздо сообщительнѣе по вопросу о школьній жизни того времени. Такъ испанскій поэтъ Пруденцій, жившій около этого времени, довольно подробно разсказываетъ о дняхъ своей школьній жизни, и его описаніемъ нравовъ грамматиковъ вполнѣ подтверждается извѣстіе о суровости древней школьнай дисциплины, для которой *ferulae sonora*e прививались высшимъ проявленіемъ педагогической мудрости и авторитета. Неудивительно, что со временемъ жестокаго Орбилия при Горациѣ до учителя, упоминаемаго Марціаломъ, истый педагогъ былъ «*invisum pueris virginibusque carpit*» — «существомъ, ненавистнымъ для мальчиковъ и девочекъ».

дѣтей посѣщеніе общихъ школъ, гдѣ ихъ дѣти могли сидѣть рядомъ съ дѣтьми какихъ нибудь презрѣнныхъ плебеевъ или вообще недостаточно знатныхъ и важныхъ по своему общественному положенію классовъ. Эта система домашняго образованія была развита какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, причемъ учителя нанимались изъ свободныхъ грамматиковъ, риторовъ и философовъ, всегда готовыхъ предложить свои услуги за приличное вознагражденіе, а иногда и прямо изъ рабовъ—или нарочито приготавлившихся для этой цѣли, или покупавшихся на рынкѣ. На западѣ, повидимому, преобладалъ послѣдній типъ, а на востокѣ первый, и наемные педагоги составляли какъ бы особое сословіе, въ средѣ котораго всегда можно было найти достаточный запасъ учителей и воспитателей. Можно думать, что св. Іоаннъ Златоустъ получилъ свое домашнее образованіе именно при помощи наемныхъ учителей. Имена ихъ не сохранились—быть можетъ потому, что они стушевывались предъ заботливымъ и всецѣнравляющимъ вліяніемъ самой Аноусы, которая, какъ женщина весьма образованная, была его главной воспитательницей, руководившей всей системой воспитанія своего единственнаго любимца-сына. Другія дѣти не всегда были такъ счастливы въ этомъ отношеніи. Какъ всегда, такъ и въ то время было не мало такихъ родителей, которые, произведя дѣтей на свѣтъ, не обращали надлежащаго вниманія на ихъ воспитаніе и считали свою обязанность исполненою, когда окружали дѣтей учителями и воспитателями изъ класса профессиональныхъ педагоговъ и грамматиковъ, всегда готовыхъ предложить свои услуги за приличное вознагражденіе. Небрежность родителей въ самомъ выборѣ учителей для своихъ дѣтей была часто возмутительна. Имъ не было никакого дѣла до того, каковы нравственные качества учителей или ихъ педагогическія способности. Достаточно, чтобы эти учителяользовались извѣстною популярностью и не дешево цѣнили свой трудъ, и имъ открыть былъ доступъ во всѣ знатные и богатые дома. Эта небрежность возмущала Златоуста и онъ рѣзко укорялъ за нее. „Можно бы сказать, говорилъ онъ однажды, что мы о своихъ дѣтихъ меныше заботимся, чѣмъ о рабахъ;—что я го-

зорю — о рабахъ? — даже меныше, чѣмъ обѣ ослахъ и лошадяхъ. Вѣдь если дѣло идетъ о погонщикѣ или конюхѣ для нихъ, мы стараемся найти какъ можно лучшаго, который быль бы человѣкомъ честнымъ, не воръ и не пьяница, и хорошо зналъ свое дѣло. Но если требуется найти учителя для нашего сына, мы беремъ наугадъ, безъ разбора, первого пришедшаго. А между тѣмъ нѣтъ въ мірѣ еще дѣла болѣе важнаго, чѣмъ воспитаніе. И въ самомъ дѣлѣ, что можно сравнить съ искусствомъ образовывать и упорядочивать умъ и сердце молодого человѣка? Тому, кто занимается этимъ, нужно имѣть больше способности и старательности, чѣмъ скульптору и живописцу. А мы вовсе не думаемъ обѣ этомъ, и единственная вещь, о которой мы заботимся въ воспитаніи, это — научить ихъ хорошо говорить; да и обѣ этомъ заботимся лишь съ грубыми видами на наживу и деньги¹⁾). Къ сожалѣнію этотъ укоръ не потерялъ еще своего жизненнаго значенія и для нашего времени.

Какъ въ школахъ, такъ и при домашнемъ воспитаніи дѣти получали обычное классическое образованіе, состоявшее въ изученіи знаменитыхъ древнихъ писателей прозы и поэзіи. Система эта въ теченіе минувшихъ вѣковъ утвердилась настолько, что ея не въ состояніи было поколебать и христіанство. Даже и послѣ того, какъ христіанство явилось въ качествѣ силы, которая все возрождала и перерабатывала, и всю жизнь человѣчества, какъ и всякой отдельной личности, ставила на совершенно новыя основы, продолжало сохранять свое значеніе то установившееся воззрѣніе, что изученіе классическихъ писателей составляетъ необходимое приготовленіе для всякаго житейскаго поприща, и такой ригористъ, какъ Тертулліанъ, высказывая свое известное положеніе, что *instrumentum ad omnem vitam litteratura* („классическая литература есть руководство ко всей жизни“), выражалъ лишь господствующее мнѣніе какъ своего, такъ и послѣдующаго времени. Отсюда естественно заключеніе, что и св. Іоаннъ Златоустъ также получилъ классическое образованіе, которое онъ

¹⁾ In St. Math., LX.

уже въ юношескихъ лѣтахъ завершилъ специальнымъ образованіемъ въ школѣ ритора Ливанія и философа Андрагафія. Едва ли нужно говорить о томъ, что такое классическое образование имѣло свои невыгодные стороны, такъ какъ, вводя дѣтей въ сказочный міръ классической мифологии съ ея не всегда высоконравственными примѣрами, не могло не вносить смуты и колебанія въ міросозерцаніе молодежи, которой суждено было присутствовать при великой борьбѣ двухъ системъ изъ-за господства въ мірѣ, и если это переходное время было такъ обильно различными ересіархами, сумасбродами и вѣроотступниками, то въ этомъ несомнѣнно отчасти повинна была именно система классического образованія. Для неокрѣпшаго и не утвердившагося еще достаточно въ христіанскомъ міросозерцаніи общества эта система была искусственнымъ средствомъ поддержанія старого, отживавшаго язычества и вмѣстѣ оправданіемъ тѣхъ остатковъ его въ новомъ христіанскомъ обществѣ, съ которыми должны были вести непрестанную борьбу всѣ лучшіе представители христіанства. Но эта невыгодная сторона классического образованія въ дѣлѣ воспитанія самого Златоуста находила себѣ счастливый противовѣсь въ томъ, что онъ воспитывался въ истинно христіанскомъ домѣ, подъ бдительнымъ руководствомъ своей благочестивой матери и ея духовныхъ руководителей—епископа и пресвитеровъ. Поэтому въ его воспитаніи классическое образование занимало именно то мѣсто, какое ему должно принадлежать, какъ подготовительной ступени къ истинному образованію, совершающемуся уже по совершенно инымъ началамъ. Классическое образование для него имѣло лишь характеръ и значеніе умственной гимнастики и средства уловить историческую связь между двумя столь различными мірами—древнимъ языческимъ и новымъ—христіанскимъ, а положительное содержаніе его умъ черпалъ уже прямо изъ новыхъ источниковъ—священныхъ книгъ христіанства. Чтеніе Св. Писанія составляло такой существенный элементъ его воспитанія и образованія, что оно именно заполняло собою весь объемъ его сознанія, и когда классическое образование исполнило свою указанную роль, то оно безъ ущерба вытѣснено было этимъ новымъ

элементомъ. И дѣйствительно, св. Иоаннъ Златоустъ, какимъ онъ выступаетъ предъ нами въ своихъ бессмертныхъ твореніяхъ, совершенно свободенъ отъ своего школьнаго образованія—не только отъ его содержанія, но даже и самыхъ формъ его. Для свободной, истинно христіанской души Златоуста былъ слишкомъ тѣсенъ и жалокъ этотъ отживавшій міръ съ его условными формами и одряхлѣвшими содержаніемъ, и потому онъ рѣшительно перешелъ на новую почву, гдѣ христіанская свобода представляла необъятный просторъ его богопросвѣщенному гenю. Съ этими убѣжденіями онъ и вышелъ изъ школы и жизнь еще болѣе утвердила его въ этомъ воззрѣніи. Какъ ни блестящи и ни звучны были періоды въ рѣчахъ Ливанія, но Златоустъ отбросилъ ихъ, предпочтя этой риторикѣ простое изложеніе жизненной правды. Какъ ни остроумна была философія Андрагаѳія, но Златоустъ скоро убѣдился, что она слишкомъ мелка для того, чтобы постигнуть глубину жизни и дать истинное удовлетвореніе запро-самъ бессмертной души, и потому впослѣдствіи, отбросивъ самое понятіе философіи въ ея старомъ смыслѣ, сталъ употреблять это слово совершенно въ новомъ, христіанскомъ смыслѣ, понимая подъ нимъ чистѣйшее любомудріе, какъ духовное подвижничество въ отрѣшеніи отъ всей суеты міра сего. Такимъ именно убѣждениемъ и опредѣляются взгляды Златоуста на классическое образованіе. Зная, что только при исключительныхъ обстоятельствахъ оно находится себѣ надлежащей противовѣсь въ твердомъ христіанскому убѣжденію и что напротивъ огромное большинство учащихся лишено этой духовной защиты, онъ относился къ классическому образованію не сочувственно и, не отвергая его вполнѣ, предостерегалъ отъ увлеченія имъ. И это было вполнѣ логично со стороны великаго проповѣдника христіанства, стоявшаго на стражѣ вѣры въ полуязыческомъ городѣ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, увлекаться книгами устарѣлыхъ языческихъ писателей, когда у христіанина есть свои собственные писатели, оставившіе творенія, которыя неизмѣримо превосходятъ всю древнюю литературу свою назидательностью, представляя неисчерпаемый источникъ высочайшихъ истинъ? Отсюда вполнѣ понятно, если Златоустъ предостерегалъ

своихъ слушателей отъ ознакомленія особенно съ миѳологіей грековъ. „Прошу васъ, говорилъ онъ, не виѣдряйте въ вашихъ дѣтей басней греческихъ, но съ самаго иѣжнаго возраста научайте ихъ страху Божію“ ¹⁾). Только такое воспитаніе и можетъ установить нормальныя отношенія между родителями и дѣтьми, пріучая послѣднихъ къ послушанію своимъ родителямъ. „Хочешь ли, говоритъ Златоустъ, чтобы сынъ твой былъ послушенъ тебѣ?— Воспитывай его въ ученіи и правилахъ Господнихъ. Опасайся считать излишнимъ для него изученіе бож. Писанія, потому что тамъ именно онъ прежде всего научится почитать своего отца и свою мать. Такое воспитаніе полезно тебѣ. Не говори: оно хорошо только для монаховъ; неужели мнѣ сдѣлать своего сына монахомъ? Конечно нѣтъ,—нѣтъ надобности дѣлать его монахомъ; но сдѣлай его христіаниномъ. Люди міра сего именно и нуждаются въ изученіи Св. Писанія, а дѣти болѣе чѣмъ кто нибудь. Въ эти лѣта бываетъ большой недостатокъ въ разумѣ, а этотъ недостатокъ еще болѣе усиливается отъ чтенія языческихъ книгъ, гдѣ научаются восторгаться тѣми, которыхъ называютъ героями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они рабы страстей и трусливы предъ смертью, какъ напр. Ахиллъ, который предается мщенію и умираетъ за наложницу, или всѣ другие, предающіеся вину и распутству. Въ качествѣ противоядія нужно предлагать дѣтямъ наши книги. Да и не безумно ли посыпать ихъ въ школы краснорѣчія, когда они еще не знаютъ о дѣлахъ Божіихъ? Мы сами первые и пожинаемъ плоды такого воспитанія и наши сыновья бывають заносчивы, нетерпѣливы, непослушны, грубы. Повѣрьте мнѣ,— будемъ поступать иначе, и слѣдѣя совѣту апостола, будемъ наставлять ихъ въ познаніяхъ Господнихъ. Будемъ сами давать имъ примѣръ въ этомъ и пусть они съ самаго иѣжнаго возраста изучаютъ наши божеств. Писанія. Я такъ часто твержу вамъ обѣ этомъ, что вы можете счесть ево это вздоромъ. И не смотря на это, я не перестану исполнить свою задачу“ ²⁾). Не высокаго мнѣнія Златоустъ былъ и объ

¹⁾ In Annam, I.

²⁾ На посл. къ Ефес. XXI.

изученіи юриспруденції. Хотя онъ и самъ изучалъ ее вмѣстѣ со всѣми образованными людьми своего времени, но онъ на опытѣ убѣдился, что при тогдашнемъ состояніи вещей юриспруденція въ значительной степени потеряла въ своей первоначальной чистотѣ, и вмѣсто того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ наукой о правѣ и служить къ возвращенію правды между людьми, она превратилась въ искусство софистического обѣленія всякихъ темныхъ дѣлъ и сдѣлалась страшнымъ орудіемъ въ дѣлѣ оправданія всякой неправды и насилия. Были конечно и славныя исключенія, такъ что и само христіанство дало государству не мало доблестныхъ юристовъ, подвизавшихся на поприщѣ защиты правды, но эти исключенія подтверждали лишь преобладающее правило и потому нисколько не опровергали мудраго недовѣрія къ нравственному значенію тогдашней юриспруденції.

Изъ всего изложенного видно, что главнымъ предметомъ, который болѣе всего занималъ Златоуста, было воспитаніе нравственное, и онъ полагалъ, что наиболѣшимъ средствомъ для этого можетъ быть не школа, а сама семья, какъ очагъ и источникъ истиинно здоровой нравственности. Но для этого и сама семья должна подвергнуться глубокому преобразованію, такъ чтобы семейная жизнь вполнѣ соотвѣтствовала своему идеалу. И въ этомъ отношеніи христіанство могло достигнуть несравненно большаго успѣха, чѣмъ всякая другая система. Языческая философія тоже дѣлала попытки и усилія въ этомъ отношеніи, но безуспѣшно, и потому въ теченіе всего существованія римской имперіи семья имѣла такой складъ и характеръ, что ребенку трудно было убѣречься отъ нравственно сомнительныхъ вліяній и примѣровъ, часто становившихся прямо опасными. То, что говорить въ этомъ отношеніи Квинтиліанъ, сохраняло свое значеніе и послѣ него, потому что общество, до полнаго торжества христіанства, не терпѣло глубокихъ измѣненій или переворотовъ. Этотъ мудрый Квинтиліанъ, который не былъ лишь знаменитѣйшимъ изъ риторовъ, ихъ учителемъ въ изысканности рѣчи и тонкости ума, какъ и въ широтѣ опыта, но который кромѣ того почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ великую возвышенность чувствъ,—

Ієвінтиліанъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ риторики, какъ онъ ее понималъ, не только орудіе изощренія ума, но и образованія характера, превосходно изобразилъ тѣ опасности, которыхъ предостерегали отъ безнечности родителей. Даже и сатиристъ Ювеналъ серьезно указывалъ на то, какъ необходимо относиться къ дѣтямъ съ крайнею осторожностью и ненечительностью, и если принять во вниманіе, съ какою настойчивостью вообще римскіе писатели говорили объ этомъ, то это послужитъ достаточнымъ показателемъ того, какъ велико было зло, съ которымъ они считали своимъ долгомъ бороться. Тѣмъ болѣе это должно было возмущать такого христіанского нравоучителя, какимъ былъ Златоустъ, и онъ не переставалъ трудиться надъ преобразованіемъ семьи, чтобы сдѣлать ее истиннымъ очагомъ нравственного воспитанія. Главнымъ источникомъ нравственного зла въ семье было, конечно, рабство, которое именно и составляло роковую язву, нравственно разъѣдавшую и подтачивавшую древнее общество, и Златоустъ, вполнѣ понимая это, по своему обычаю рѣзко и безъ стѣсненія обнажалъ рану, стараясь объ ея исцѣленії. „Нравы, говорилъ онъ, вотъ что болѣе всего должно занимать насъ, когда дѣло идетъ о юношествѣ; потому что съ этой стороны и угрожаютъ наибольшія опасности, эта именно сторона и есть наиболѣе уязвимая. Несомнѣнно, что когда мы видимъ одну изъ своихъ служанокъ, ходящую туда и сюда со свѣтильникомъ въ рукахъ, мы совѣтуемъ ей избѣгать такихъ мѣстъ, гдѣ находится сѣно, солома или еще что нибудь подобное, такъ какъ малѣйшая искра, упавшая нечаянно, можетъ сжечь весь домъ. Не будемъ же менѣе предусмотрительны и въ отношеніи къ нашимъ сыновьямъ, и не позволимъ ихъ взглядамъ проникать туда, гдѣ находятся соблазнительныя служанки, назойливые дѣвицы, безстыдныя рабыни, но будемъ давать имъ строгія приказанія и постараемся, въ случаѣ если имѣется у насъ такая служанка или сосѣдка этого рода, или вообще предвидится какая-либо опасность, чтобы они ни взглядомъ, ни съ разговорами не проникали туда, изъ опасенія, чтобы не заронилась тамъ какая нибудь искра, которая можетъ объять всю душу и сдѣлать паденіе неизбѣжнымъ.

Будемъ удалять ихъ также отъ вольныхъ и неприличныхъ словъ, чтобы они не соблазнились ими какъ какимъ нибудь волшебнымъ очарованіемъ. Не будемъ водить ихъ ни въ театры, ни на ииршества, гдѣ опьяняются; но будемъ оберегать молодыхъ людей даже съ большею заботливостью, чѣмъ дочерей, которыя вообще не выходятъ изъ гиникея (терема). Ибо иѣть еще болѣе прекраснаго наряда для молодого возраста, какъ вѣнецъ умѣренности и слава вступленія въ бракъ чистымъ отъ всякаго развращенія¹. Къ сожалѣнію, дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этому идеалу и отцы поступали какъ разъ наоборотъ, чѣмъ предписывалъ проповѣдникъ. О воспитаніи своихъ сыновей они менѣе заботились, чѣмъ даже о воспитаніи своихъ рабовъ. За послѣдними они наблюдали по крайней мѣрѣ изъ расчета, исправляли ихъ малѣйшіе недостатки, чтобы внослѣдствіи не потерпѣть отъ нихъ. Рядомъ съ этимъ они никакъ и не думали о будущности самихъ дѣтей и не старались о томъ, чтобы надлежавшимъ образомъ подготовить ихъ къ жизни. Внутри дома отцы давали имъ самые худые примѣры, а впѣ дома они повсюду велили ихъ съ собою—въ бани, въ театры, повсюду—за исключеніемъ церкви²). Въ предостереженіе этимъ беспечнымъ или слабымъ отцамъ, Златоустъ приводитъ примѣръ первосвященника Илія, который навлекъ на себя и на весь свой народъ тяжкое наказаніе и бѣдствіе именно за то, что нерадѣль о надлежавшемъ воспитаніи своихъ сыновей²). Но вообще это зло пустило такие глубокіе корни, небрежность въ отношеніи воспитанія дѣтей была такою общею слабостью отцовъ, вѣчно занятыхъ интересами агоры и общественно-политическихъ дѣлъ, что Златоустъ не особенно много полагался на нихъ, и всю надежду въ дѣлѣ вос-

¹⁾ На Мате. LIX, и на посл. къ Ефес. XXII.

²⁾ На 1 посл. къ Тим. IX. Ливаній подтверждаетъ справедливость этихъ укоровъ Златоуста, показывая, что отцы доводятъ свое потворство до крайней слабости. «Отцы, говорилъ онъ, заняли мѣста сыновей, а сыновья мѣсто отцовъ; отцы именно трепещутъ, а сыновья ругаются... Иногда отцы восторгались своими сыновьями изъ-за того, что тѣ продѣлывали какія нибудь глупости въ школѣ, и съ гордостью говорили: «это будутъ знаменитые весельчаки». См. Ed. Reiske, Discours, p. 502, 442 и слѣд. Риесх, Chrysostome p. 128.

читанія возлагалъ на матерей, ставя имъ въ примѣръ Анну, какъ образецъ истиннаго материнства.

Въ виду того, что ни школа, ни семья при наличномъ ихъ состояніи не могли давать болѣе или менѣе крѣпкаго нравственнаго закала, у Златоуста явилась особая идея, которая не только теперь, но и тогда могла казаться многимъ весьма странною и крайнею, хотя въ дѣйствительности она вытекаетъ изъ глубокаго проникновенія въ нравственное существо человѣка. Онъ именно находилъ полезнымъ, чтобы молодые люди, пройдя общее и специальное образованіе, предъ тѣмъ какъ вступать въ жизнь, провели нѣкоторое, и притомъ не особенно короткое время въ монастырѣ. Эту мысль онъ высказываетъ въ третьей книгѣ своей въ защиту монашества¹⁾), и изъ этой же книги мы узнаемъ, что если большинство отцовъ отнеслись къ такой мысли съ рѣшительнымъ противодѣйствиемъ, то съ другой стороны было не мало и такихъ, которые приняли ее и старались осуществить на практикѣ. Для самого Златоуста эта мысль была тѣмъ естественнѣе, что онъ самъ осуществилъ ее на себѣ, такъ какъ провелъ пѣсколько лѣтъ въ качествѣ отшельника въ пустынѣ, среди окружающихъ Антиохію горъ. Но онъ поступилъ въ монашество не сразу по окончаніи своего образованія, а сначала вкусили плодовъ мірской жизни, и только уже почувствовавъ ихъ горечь, искалъ успокоенія и укрѣпленія въ отшельничествѣ. Имѣя такой личный опытъ, Златоустъ теперь хотѣлъ предостеречь своихъ юныхъ собратій, чтобы они не особенно спѣшили пользоваться плодами жизни, которые имѣютъ ту печальную особенность, что чѣмъ скорѣе воспользоваться ими, тѣмъ скорѣе они дадутъ почувствовать свою горечь, влекущую грустныя разочарованія. И значение этого совѣта не ограничивается только личнымъ испытаніемъ. Въ основѣ его лежитъ глубокая психологическая правда. Конечно, если такой совѣтъ могъ казаться страннымъ и почти смѣшнымъ уже въ то древнее время, когда духъ отшельничества и аскетизма такъ сказалъ носился въ

¹⁾ См. въ I книгѣ I-го тома нов. изданія трактать «Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни. Слово третье—къ вѣрющему отцу», парагр. 9, стр. 94 нов. изд.

воздухъ, то неудивительно, что тѣмъ болѣе страннымъ онъ можетъ показаться теперь, когда надъ всѣми деспотически властвуетъ духъ міра сего, находящій въ базарѣ житейской суеты высшій смыслъ человѣческой жизни, и потому вполнѣ понятно, что даже такой вообще объективный и спокойный излагатель воззрѣній Златоуста, какъ Плюшть, въ данномъ мѣстѣ не воздержался отъ полемики, и опровергаетъ этотъ совѣтъ великаго святителя почти съ такою же горячностью, съ какой обыкновенно полемизируютъ новѣйшии антагонисты-соціологи. И чего только онъ не наговорилъ въ этой полемикѣ! Осуществленіе такого совѣта, по его мнѣнію, повлекло бы за собою чути не ниспроверженіе всего общественного строя, такъ какъ-де лучшіе молодые люди, крѣпкіе и духомъ и тѣломъ, побывавъ въ монастырѣ, навѣрно и останутся тамъ или поступятъ въ ряды духовенства и такимъ образомъ общество лишится лучшихъ своихъ элементовъ, или наоборотъ, слабые люди, не выдержавъ монастырской дисциплины, потеряютъ равновѣсіе въ своемъ существѣ и превратятся въ энтузіастовъ или фанатиковъ, вредныхъ и церкви и обществу. Но такія соображенія очевидно не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, потому что выходятъ изъ предвзятаго отрицанія самаго совѣта и построены на односторонности. Достаточно взглянуть на дѣло прямо, и оно ясно будетъ какъ день. Всѣмъ по опыту известно, какъ молодые люди, заканчивая свое школьнное образованіе, поскорѣе рвутся въ тотъ заманчивый для нихъ міръ жизни, который загражденъ былъ для нихъ стѣнами школы. Этотъ міръ рисуется какъ полный обаянія и всякихъ прелестей, и молодые люди, вступая въ него, ни о чёмъ не думаютъ, кроме того, какъ они полною горстью будутъ брать отъ жизни все ея наиболѣе заманчивыя блага. Конечно, суровая дѣйствительность скоро разбиваетъ эти радужныя мечты и разсѣваетъ иллюзіи, убѣждая молодыхъ людей, что жизнь вовсе не есть поле, усѣянное цветами, которые остается только рвать и наслаждаться ими. Нѣть, жизнь есть борьба и притомъ весьма сурова, такъ что преодолѣваютъ ее только наиболѣе закаленные натуры, а остальные ослабѣваютъ и гибнутъ. Отсюда неизбѣжны самыя горькія разочаро-

ванія и для многихъ жизнь скоро превращается въ тяжкое, невыносимое бремя. И все это потому, что молодые люди вступают въ жизнь, не имѣя въ себѣ достаточнаго нравственнаго закала и не сбравъ въ себѣ надлежащихъ духовныхъ силъ для предстоящей борьбы. И вотъ въ этомъ-то именно отношеніи совѣтъ Златоуста и получаетъ свое глубокое психологическое значеніе. По нему, молодой человѣкъ, даже снабженный всѣми свѣдѣніями и знаніями, какія только можетъ дать школа, еще не достаточно готовъ для житейской борьбы. Онъ долженъ еще укрѣпиться нравственно, подвергнуть себя духовному испытанію, вдали отъ треволненій вѣнчанаго міра ножить своимъ внутреннимъ духовнымъ міромъ, взвѣсить свои нравственные силы и только тогда, во всеоружіи и умственныхъ и нравственныхъ силъ, вступать на поющище дѣйствительной жизни. Тогда ему не страшны будутъ никакія разочарованія и всѣ невзгоды житейской бури не въ состояніи будутъ сломить его закалленаго самоиспытаніемъ духа. Совѣтъ Златоуста очевидно вытекалъ изъ того же источника, изъ котораго исходило исторически извѣстное явленіе, что всѣ великие люди, оказавши наибольшее вліяніе на течение жизни человѣчества, предъ выступленіемъ на житейское поющище, обыкновенно проводили по нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ, гдѣ именно они и проходили школу нравственнаго самовоспитанія и самоукрѣпленія, закалявшаго ихъ для житейской борьбы. Такъ, именно было съ Моисеемъ, Ioannomъ Крестителемъ, Самимъ Іисусомъ Христомъ, ап. Павломъ и многими другими. Конечно, не всѣ—великие люди, но они образецъ для всѣхъ и обыкновенныхъ людей, и если для нихъ необходима была эта школа нравственнаго самовоспитанія въ пустынѣ, вдали отъ суеты міра, то тѣмъ болѣе она необходима для обыкновенныхъ людей—съ ихъ маленькими духовными силами, и можно быть увѣренными, что если бы дѣйствительно въ той или другой формѣ осуществлялся совѣтъ великаго святителя, лѣтопись человѣческой жизни не была бы такъ испещрена надрывающими душу неудачами и разочарованіями, какъ она является въ дѣйствительности. Мы рассматриваемъ вопросъ, конечно, принципіально, и ничего не говоримъ о формѣ, такъ какъ иначе пришлось бы говорить и о томъ,

какую постановку должны имѣть сами монастыри, чтобы вполнѣ отвѣтить своему назначенію въ данномъ случаѣ. Это совсѣмъ другой вопросъ, но что вообще совѣтъ св. Иоанна Златоуста основанъ на глубокомъ знаніи нравственной потребности натуры человѣческой, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Если задача воспитанія дѣтей представляется весьма трудною при наличности содѣйствія обоихъ родителей—отца и матери, то понятно, что она еще болѣе усложняется, когда умираетъ отецъ и всѣ заботы о воспитаніи дѣтей переходятъ къ одной вдовѣ-матери. Св. Иоаннъ Златоустъ видѣлъ во вдовствѣ своего рода нравственный крестъ, который нужно было нести похристіански, самоотверженно: онъ не совѣтовалъ вдовамъ вступать во второй бракъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ положенiemъ вдовицы въ древнемъ обществѣ связывались такія затрудненія, что дѣло воспитанія для нея крайне осложнялось. Златоустъ часто говорить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергались вдовы, и въ виду того, что при защитѣ ихъ онъ употребляетъ весьма энергичная выраженія, можно думать, что они вызывались именно самимъ свойствомъ положенія вдовъ въ его время. „Какъ ужасны горести вдовства, восклицаетъ онъ отъ лица своей матери,—о которыхъ знаютъ только тѣ, которые сами понесли это испытаніе“¹⁾! — „Не видимъ ли мы ежедневно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, какъ расхищаются имѣнія вдовъ, какъ ограбляются сироты“²⁾? Еще въ одномъ мѣстѣ онъ изображаетъ, какъ эти бѣдныя вдовы, жертвы своей неопытности, низведенныя въ состояніе нищеты, пользуются проѣздомъ императора чрезъ свой городъ для того, чтобы воپіять къ нему о заступничествѣ и умолять его о всемогущемъ покровительствѣ³⁾. Впрочемъ вдовы бывали разныя. Было не мало такихъ, которые смотрѣли на вдовство какъ на освобожденіе отъ прежней зависимости и, пользуясь независимостью, сами проматывали наслѣдство своихъ дѣтей, другія поспѣшили выйти опять въ заму-

¹⁾ О священствѣ, слово I, 5.

²⁾ На Быт. XLVIII.

³⁾ In Appam, I.

жество или, что еще хуже, лицемѣрно соблюдая маску благоприличія въ глазахъ общества, тайно вступали въ незаконную связь. Такія вдовы заслуживали не ободренія, а укора. Затѣмъ большаго сочувствія заслуживали тѣ, которыхъ, или имѣя себѣ преданнаго покровителя въ комъ нибудь изъ родственниковъ, или полагаясь на свое собственное благоразуміе, самоотверженно управляли сами своимъ осиротѣлымъ семействомъ и домомъ. Одною изъ такихъ симпатичныхъ женщинъ была молодая вдова нѣкоего Фирасія, къ которой Златоустъ обращался съ прекраснымъ утѣшительнымъ посланіемъ и которая находила себѣ совѣтъ и покровительство у одного изъ своихъ дядей. Равнымъ образомъ и Анеуса, мать самого Златоуста, оставшаяся послѣ преждевременной кончины Секунда вдовою въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, была совершеннѣйшимъ образцомъ вдовы, какъ по чистотѣ своей жизни, такъ и по мудрому управлѣнію дѣлами. Глубокопризнательное изображеніе ея сдѣлано самимъ Златоустомъ въ книгѣ „о Священствѣ“, гдѣ онъ описываетъ, съ какою нѣжностью она воспитывала своего сына, самоотверженно наблюдая за его дѣтствомъ и отрочествомъ до возмужалости, какъ мудро и хлопотливо управляла имѣніемъ, чтобы въ цѣлости сохранить его для подростающаго наследника и, обеспечивая его изъ своихъ материальныхъ средствъ, предоставляла ему всецѣло и безпрепятственно отдаваться наукамъ. Не даромъ эта истинно христіанская вдова вызвала восторженный отзывъ даже отъ язычника Ливанія, который, узнавъ обо всемъ этомъ, невольно воскликнулъ: „Ахъ, какія у христіанъ есть женщины!“ Слѣдя такому высокому примѣру, и каждая мать-христіанка могла бы достойно осуществлять свое назначеніе даже въ качествѣ воспитательницы своихъ дѣтей, не смотря на всю тяжесть вдовьяго положенія.

Рассуждая о роли родителей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, св. I. Златоустъ ясно отмѣчалъ существенные недостатки, свойственные тому или другому полу, и если въ отношеніи отцовъ онъ опасался пѣкоторой небрежности съ ихъ стороны, хотя нисколько

не возставалъ противъ возможной сюровости или даже жестокости, злоупотреблій отцовскою властью, которымъ потворствовали, не смотря на прогрессивное смягченіе нравовъ, само законодательство и обычай, то въ отношеніи матерей онъ болѣе всего опасался излишняго потворства и слабости, какъ наиболѣе свойственныхъ женской натуры. Поэтому онъ старается всячески предостерегать матерей противъ такой слабости и побудить къ необходимой строгости материнское сердце, всегда склонное къ излишней нѣжности. Онъ напоминаетъ имъ слова премудрого сына Сирахова: „Есть у тебя сыновья?—учи ихъ, и съ юности нагибай шею ихъ“ (Сир. VII, 25), и въ подтвержденіе святости власти родительской приводить постановленіе божественного закона: „Кто злословитъ отца своего или свою мать, того должно предать смерти“ (Исх. XXI, 17). Если вдовы-матери надлежащимъ образомъ исполняютъ свой долгъ, и воспитаютъ своихъ дѣтей въ добродѣтели и страхѣ Божиемъ, то въ награду имъ обѣщается слава и честь, равная даже несравненой славѣ дѣственницъ¹).

IV. Семейная жизнь имѣеть страшнаго врага, посягающаго на ея цѣлость и благополучіе, и этотъ врагъ есть смерть, которая безпощадно заносить свою губительную косу надъ тѣмъ или другимъ членомъ семьи, иногда въ тотъ самый моментъ, когда она начинаетъ благоустрояться или чувствовать свое удовлетвореніе. Какъ часто бываетъ, что однимъ ударомъ сражается или молодой отецъ семейства, или кормилица-мать, или у молодыхъ родителей похищается единственный плодъ ихъ супружеской любви, и только что взлелѣянное счастье разбивается въ прахъ, повергая осиротѣвшихъ членовъ въ неутѣшное горе! Поэтому хотя апостоль убѣждалъ христіанъ „не скорбѣть объ усопшихъ“ и его назиданіе постоянно поддерживалось и развивалось отцами и учителями церкви, однако сила естественнаго чувства брала свое и апостольское слово не воспринималось во всей его строгости и полнотѣ. Какъ свадьбы служили поводомъ къ соблазнительнѣмъ увеселѣніямъ, такъ и похороны обставлялись обычаями и церемоніями,

¹) На слова: «Вдовица да причитается»... 7 и сл.

которыхъ не могла одобрять церковь. Какъ въ отношеніи свадебныхъ торжествъ, такъ и въ отношеніи погребальныхъ церемоній поддержанію ихъ содѣйствовала двоякая причина: съ одной стороны повелительный, непреодолимый инстинктъ, вступавшій въ борьбу съ христіанствомъ, которое, какъ могло казаться, не ограничиваясь преобразованіемъ природы, хотѣло совершенно подавить ее, а съ другой—языческія поколѣнія передали христіанскимъ поколѣніямъ такое наслѣдіе преданій, съ которыми никакъ не могли порвать сразу сразу послѣднія. Поэтому отцамъ и учителямъ церкви приходилось много употреблять усилий на борьбу съ этими языческими останками, и Златоустъ придавалъ вопросу о преобразованіи похоронныхъ обычаевъ даже больше значенія, чѣмъ преобразованію характера свадебныхъ торжествъ и увеселеній. И это было вполнѣ основательно, потому что чрезмѣрность горя и отчаянія могла, такъ сказать, наносить ударъ самой вѣрѣ и представляла нѣчто въ родѣ открытаго отреченія отъ нея. Если когда, то именно въ этотъ торжественный моментъ, предъ лицемъ смерти, и нужно было вѣрующему доказать, что онъ достоинъ своей вѣры и что „христіанство есть не дѣтская игрушка и не пустое дѣло“, какъ выражался Златоустъ¹⁾. Конечно, святитель отнюдь не думалъ оспаривать законность скорби. Если бы даже его вообще нѣжное, любящее сердце не подсказывало ему, что человѣку по самой природѣ свойственно предаваться скорби, то онъ конечно не могъ забывать того, что даже Христосъ отдавалъ дань этой скорби и проливалъ слезы, и евангелистъ свидѣтельствуетъ, что Онъ плакалъ о Лазарѣ, потому что любилъ его. „Я не запрещаю печали, говорилъ Златоустъ, но запрещаю только чрезмѣрность скорби“²⁾. Было бы весьма интересно, если бы Златоустъ гдѣ нибудь подробно изобразилъ тѣ чувства, какія онъ испыталъ въ то время, когда потерялъ свою мать, свою горячо любимую Аноусу. Онъ не открылъ намъ этой своей скорби, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ испыталъ сильный приступъ жестокой скорби, хотя конечно

¹⁾ Οὐκ ἔστι παίγνια ὁ χριστιανός, ἀγαπητοί, οὐδὲ πράγμα παρέργον.

²⁾ Бесѣда «объ усопшихъ».

онъ былъ настолько силенъ духомъ, что въ состояніи былъ сдерживать свои слезы и въ глубинѣ своего сердца скрыть и похоронить свое безпредѣльное горе.

При всей нѣжности и чувствительности его сердца, чрезмѣрныя виѣшнія проявленія скорби объ умершихъ ему, какъ выразителю христіанскаго упованія, естественно должны были казаться грѣховными и преступными. И онъ съ сильнымъ негодованіемъ возставалъ противъ нихъ. Чтобы понять ясно его негодованіе, нужно вообще не забывать, что въ его время обращеніе міра въ христіанство еще не было полнымъ или закончившимся: общество раздѣлялось на два враждебныхъ лагеря и состояло наполовину изъ христіанъ и наполовину изъ язычниковъ. При всей ихъ враждебности, между ними по необходимости происходило взаимообщеніе, вносившее крайнюю неустойчивость въ воззрѣніяхъ. Язычники притомъ не прочь были воспользоваться всякою неподѣдовательностью своихъ противниковъ-христіанъ, чтобы помышляться надъ недѣйствительностью ихъ ученія. Положеніе дѣлъ было почти такое же, какимъ вызвано было приведенное выше изреченіе апостола. „Мы плачемъ, а язычники говорятъ: какой же смыслъ имѣть то ученіе о воскресеніи, которое у нихъ постоянно на устахъ? Они хващаются, они обманываютъ насъ, когда притворяются, будто вѣрять въ это безсмысленную мечту“¹⁾). Или въ другомъ мѣстѣ, развивая ту же тему, Златоустъ говорить: „Когда мы плачемъ, язычники говорятъ: какъ же они могутъ выдержать свою собственную смерть, если даже смерть ихъ близкихъ совершенно ниспровержаетъ ихъ? Это—хвастовство съ ихъ стороны, когда они утверждаютъ, что ихъ вѣра даетъ имъ спокойствіе и мужество“²⁾). Такимъ образомъ, даже во избѣженіе такихъ нареканій со стороны язычниковъ, мы должны воздерживаться отъ чрезмѣрной скорби. Прежде и болѣе всего нужно избѣгать соблазна, а наихудшій изъ соблазновъ—тотъ, который набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на состоятельность самой вѣры,

¹⁾ Бес. «объ усопшихъ».

²⁾ На посл. къ Евр. IV.

поддерживаетъ иевѣріе и даетъ поводъ къ кощунству и богохульству¹⁾.

Противъ столь настойчивыхъ и принудительныхъ доводовъ христіане какъ въ Антіохіи, такъ и въ Константино полѣ конечно не въ состояніи были отвѣтить что-нибудь основательно. Но въ тоже время они были слишкомъ остроумны и любили поспорить, чтобы позволить себѣ закрыть уста даже такими убѣдительными и основательными доводами. При этомъ они не прочь были прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ и соблазнительнымъ приемамъ. Такъ въ оправданіе своей слабости они прибѣгали къ текстамъ Писанія, которые такъ или иначе можно было истолковать въ ихъ пользу, или старались истолковать ихъ въ иномъ, отличномъ отъ прямого, смыслѣ, а иногда прямо осмѣливались подвергать критикѣ тѣ тексты, которые Златоустъ приводилъ въ подтвержденіе своихъ обличеній. Такъ, когда Златоустъ, желая отвлечь своихъ слушателей отъ чрезмѣрной привязанности къ гробамъ своихъ умершихъ, какъ затѣнявшей предъ сознаніемъ мысль о безсмертіи души, говорилъ, что гробъ не имѣть большого значенія и не важно, гдѣ погребенъ будетъ прахъ, то слушатели старались опровергать это мнѣніе, ссылаясь на пріимѣръ Іакова, который прямо выражалъ желаніе, чтобы его кости были погребены въ землѣ его отцовъ²⁾). Подобнымъ же образомъ они возражали и въ оправданіе своего плача и причитанія при похоронахъ³⁾), и св. І. Златоусту приходилось много разъ и настойчиво разъяснять имъ, какое глубокое различіе находится между ветхимъ и новымъ законами. Напротивъ, слова Христа: „оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвцевъ“ большинству изъ нихъ казались жестокими и негуманными, и они не стѣснялись иногда прямо заявлять объ этомъ. Проповѣдникъ долженъ

¹⁾ Совершенно такія же мысли развивалъ и святой Кипріанъ въ своемъ разсужденіи «О смертности», гл. XX и слѣд. Это очевидно былъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ въ вѣрѣ того переходного времени и требовалъ со стороны отцовъ и учителей церкви наибольшей охраны.

²⁾ На Быт. LXXVI.

³⁾ На Быт. LXVII.

быть вдаваться въ подробное истолкованіе этихъ словъ, чтобы виолѣтъ уяснить ихъ смыслъ своимъ слушателямъ, и чтобы не смущать совѣсти немощныхъ, долженъ быть даже допускать явь-которыя уступки имъ. Да, говорилъ онъ, эти слова дѣйствительно были бы жестокими, если бы Іисусъ Христосъ разумѣлъ при этомъ только похороны. Но божественное созерцаніе Христа не было ограниченнымъ на подобіе нашего. Онъ зналъ, что послѣ похоронъ обыкновенно занимаются наслѣдствомъ, и вотъ тутъ-то и начинаются тѣ ссоры и дрязги, которыя омрачаютъ память умершаго, такъ что не присутствовать при нихъ значить больше оказать чести умершему, чѣмъ близкимъ участіемъ въ его погребеніи — со всѣми сопровождающими его житейскими расчетами. „Но, скажетъ кто нибудь, не быть при погребеніи отца не было бы знакомъ крайней неблагодарности? — Если бы (юноша) сдѣлалъ это по лѣности, то оказалъ бы неблагодарность; но если сдѣлалъ это для того, чтобы не прервать болѣе необходимаго дѣла, то въ этомъ случаѣ удалиться было бы знакомъ величайшаго неразумія. Конечно Іисусъ запретилъ (юношѣ идти на погребеніе своего отца) не потому, чтобы повелѣвалъ не воздавать почтенія родителямъ, но для того, чтобы показать, что ничто не должно быть для насъ необходимѣе небеснаго, и что съ величимъ тщаніемъ должно стараться обѣ этомъ и ни мало не должно отлагать оное, хотя бы отвлекали отъ него самыя нужные и неотложныя дѣла. Но если ты еще удивляешься и смущаешься тѣмъ, что ему не было дозволено находиться при погребеніи отца, то прими во вниманіе то, почему малодушнымъ многіе не даютъ знать о смерти ихъ ближнихъ и не допускаютъ ихъ быть при погребеніи, хотя бы умеръ отецъ, или мать, или сынъ, или другой кто либо изъ родственниковъ, и мы за это не обвиняемъ ихъ въ жестокости и безчеловѣчіи, и очень справедливо. Напротивъ, допускать малодушныхъ предаваться плачу и было бы именно дѣломъ жестокимъ“¹⁾.

Въ чёмъ же состояли тѣ выраженія скорби, которымъ до-

¹⁾ На Мате. XXVII, стр. 566—568, Моск. изд. 1846 г.

полнаго отчаянія предавались плакавши объ умершихъ? Златоустъ не отвергалъ этихъ выраженій съ ригористическою строгостью и напротивъ допускалъ тѣ изъ нихъ, которыя вошли уже въ обычай и не противорѣчили духу церкви. Такъ онъ допускалъ употребленіе новыхъ и богатыхъ пеленъ, въ которыхъ облекаемы были покойники. Эти пелены на востокѣ, какъ и по всей имперіи, состояли изъ бѣлыхъ золотянныхъ матерій, часто сильно пропитанныхъ ароматами. Пруденцій говоритъ о нихъ въ гимнѣ, составленномъ имъ для употребленія при погребенії ¹⁾). Въ нихъ видѣли какъ бы прообразъ воскресенія, земной символъ безсмертнаго одѣянія, въ которое должна нѣкогда облечься очищенная плоть. Златоустъ допускалъ затѣмъ употребленіе факеловъ и свѣчей, которые, какъ видно изъ свидѣтельства блаж. Геронима, были несены священниками при погребенії Павлы ²⁾). Съ ними также соединился таинственный смыслъ: „Скажите мнѣ, что означаютъ сверкающіе свѣточі? Не для того ли они употребляются, чтобы приводить покойниковъ, какъ увѣнчанныхъ побѣдителей“ ³⁾). Пѣніе псалмовъ онъ считалъ особенно пригоднымъ для того, „чтобы прославлять Бога и воздать Ему благодареніе за то, что Онъ увѣнчалъ почившаго“ ⁴⁾). Этотъ обычай уже давно вошелъ во всеобщее употребленіе среди христіанъ, и составленный Пруденціемъ гимнъ былъ какъ бы новымъ псалмомъ, приспособленнымъ именно къ этому обстоятельству. При погребеніи, по свидѣтельству св. Иоанна Златоуста, особенно въ употребленіи были псалмы XXII, XXXI и CXIV ⁵⁾).

Но допуская законныя проявленія скорби, Златоустъ настойчиво изобличалъ и преслѣдоваль такія выраженія, которыя отзывались язычествомъ. Такъ онъ не допускалъ черныхъ одеждъ въ знакъ траура ⁶⁾). Особенно онъ осуждаетъ чрезмѣрныя выраженія скорби у женщинъ. Вотъ по площади тянется похоронная про-

¹⁾ Prud. Cathemerinon X.

²⁾ Jer. Ep. 108. § 29.

³⁾ На посл. къ Евр. IV.

⁴⁾ Тамъ же

⁵⁾ См. на посл. къ Евр. IV, 5.

⁶⁾ Тоже и св. Кипріанъ въ De Mortalitate, 20.

цессія, въ которой изъ любопытства, какъ и въ свадебныхъ процессіяхъ, принимаютъ участіе и многіе язычники, и предъ лицемъ этихъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, женщины рвутъ на себѣ волосы, расцарапываютъ щеки ¹⁾, хотя при этомъ не было недостатка въ такихъ кокеткахъ, которыхъ просто желали обратить на себя вниманіе и показать свои красивыя руки. Но этому церемоніальному или дѣйствительному плачу и скорби предавались не одни только родственники умершаго; христіане не хотѣли разстаться съ однимъ изъ крайне неприличныхъ обычаевъ, по которому напоминались особыя плакальщицы, цѣлые хоры плакальщицъ ²⁾. Этотъ обычай особенно распространенъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ Иоаннъ Златоустъ болѣе всего и боролся съ нимъ. Такъ какъ обычай настолько укоренился, что одни слова обличенія не дѣйствовали, то Златоустъ прибѣгалъ даже къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Въ одной изъ бесѣдъ на посланіе къ Евреямъ онъ даже угрожаетъ отлученіемъ. Нанимать плакальщицъ, говорить онъ, значитъ совершать формальное идолослуженіе ³⁾. Будучи вообще противникомъ всякой роскоши и богатства, Златоустъ поэтому горячо возставалъ противъ чрезмѣрной пышности и огромныхъ издержекъ, которыми часто просто изъ-за тщеславной выставки сопровождались похороны. Онъ хотѣлъ даже ограничить и обычай употребленія ароматовъ, хотя и не запрещалъ его совсѣмъ, имѣя въ виду евангельскіе пріемы. Вооружался онъ и противъ злоупотребленій въ облаченіи покойниковъ, для чего часто употреблялись слишкомъ дорогія матеріи, такъ что онѣ привлекали воровъ, среди которыхъ даже образовалась особая специальность расхитителей гробницъ ⁴⁾. Чтобы отвратить воровъ, иногда нарочито драгоценныя матеріи разрывались и пропитывались благовоніями, чтобы сдѣлать ихъ непригодными для обыкновенного употребленія. При погребеніи важныхъ сановниковъ процесія пріобрѣтала огромные размѣры: за

¹⁾ Бес. обѣ усопшихъ; на посл. къ Фесс.; на Иоанн. LXXII.

²⁾ Φρηνουσῖον χόροις. На Иоанн. LXXXV.

³⁾ На посл. къ Евр. IV, 6.

⁴⁾ Τυρβωρുസ.

печальной колесницей следовали толпы рабовъ и рабынь, одѣтыхъ въ саваны; лошади въ траурномъ убранствѣ, ведомые конюхами, также сопровождали своего господина къ мѣсту его упокоенія, и вообще похороны представляли такое зрѣлище пышности и суеты, что Иоаннъ не зналъ, негодовать ли на него, или просто сожалѣть о томъ, насколько люди склонны быть рабами суетности даже предъ лицемъ страшного факта смерти ¹⁾). Не ускользнула конечно отъ его вниманія и обычай прославлять покойниковъ пышными и къ несчастью лживыми надписями на памятникахъ, и онъ обличаетъ какъ эту лицемѣрную лживость, такъ и неразуміе самой заботы о сооруженіи великолѣпныхъ памятниковъ, о которыхъ иные заботились даже больше, чѣмъ о своихъ домахъ ²⁾). Другой обычай также возбуждалъ противъ себя негодованіе Златоуста, именно обычай омовеній послѣ погребенія. Этотъ обычай, вытекавшій изъ мысли, что сприкосновеніе съ покойникомъ влечеть за собою оскверненіе, отъ котораго нужно очищаться, было остаткомъ язычества или суевѣрій ³⁾), а между тѣмъ онъ было сильно распространено среди христіанъ того времени. Послѣ похоронъ совершились тризны, и такъ какъ онѣ опять нерѣдко приводили къ излишествамъ и даже соблазнамъ, то нужно было ограничивать ихъ, и Златоустъ по своему духу милосердія не преминулъ напоминать, что тризны, вмѣсто того, чтобы быть мѣстомъ пьянистеннаго разгула, могли бы быть поводомъ къ милостынѣ для бѣдныхъ, которые съ благодареніемъ помянуть душу усопшаго ⁴⁾.

Вообще св. Иоаннъ Златоустъ, строгій блюститель христіанскаго благочинія, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ отцовъ и учите-

¹⁾ На Иоанн. LXXXV; О статуяхъ III. Импер. Юліанъ во время своего пребыванія въ Антіохіи въ 363 году издалъ особый законъ противъ подобныхъ излишествъ. Онъ находится въ кодексѣ Феодосія IX, 17, 5.

²⁾ Бес. на Псал. XLVIII.

³⁾ Въ Ветхомъ Завѣтѣ подобный же обычай имѣлъ значеніе гигиеническое, а въ обрядовомъ смыслѣ означалъ торжество смерти надъ жизнью. Такъ какъ Христосъ попралъ смерть и даровалъ намъ жизнь вѣчный, то и самый обрядъ потерялъ свой смыслъ для христіанъ, превратившись въ суевѣріе.

⁴⁾ На 1 посл. къ Коринто. XXVII.

лій церкви старался объ упорядоченіи обрядовъ погребенія. Онъ неустанно ратовалъ противъ всякаго лицемѣрія, равно какъ и противъ чрезмѣрной слабости при выраженіи скорби при погребеніи. Предъ этимъ величественнымъ зреющимъ смерти, „которое поражаетъ и печалитъ весь міръ и даже поражаетъ сердце самыхъ ожесточенныхъ богачей“, — нужно воздерживаться отъ всякой суетности, какъ и всякаго унынія. Нужно подражать тому, какъ относятся къ смерти отшельники въ монастыряхъ. „И въ монастыряхъ также умираютъ; иноки такъ же смертны, какъ и другие люди; но смерть для нихъ не есть уже смерть. При звукѣ пѣснопѣній сопровождаютъ они умершихъ, и самаго погребенія они даже не называютъ тѣмъ именемъ, подъ какимъ оно известно у насъ. Они называютъ его не выносомъ (*εκφορὰ*) а своего рода торжествомъ — *προτοριπή* (т. е. торжественнымъ шествіемъ, направляющимъ къ мѣсту вѣчнаго блаженства). Когда имъ возвѣщаютъ о кончинѣ одного изъ нихъ, они исполняются радости и счастія; что я говорю? — никто изъ нихъ даже и не осмѣлитъ сказатъ: такой-то умеръ. Они говорять: онъ упокоился — *τετελείσθαι*, — свершилъ свой путь“¹⁾). Вотъ истинный образъ христіанской кончины.

V. Существенную принадлежность всякаго домохозяйства въ древности составляли рабы, которые такъ или иначе вліяли и на самое благосостояніе семьи. Рабство само по себѣ есть явленіе соціальное и потому въ настоящей статьѣ оно можетъ быть разсмотрѣно только съ одной стороны, именно, какое положеніе рабы занимали въ домохозяйствѣ, какъ къ нимъ относились господа въ семейномъ быту и какъ вообще смотрѣль на самое это явленіе такой великий выразитель христіанской идеи братства людей, какъ св. Іоаннъ Златоустъ.

При несовершенствѣ соціальныхъ отношеній въ древнемъ мірѣ рабство считалось необходимостью, такъ что признаніе его санкционировалось даже философскими разсужденіями; но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно раздавались жалобы на худые результаты этого явленія. Въ IV вѣкѣ, въ Антіохіи и Константинополѣ,

¹⁾ На 1 Тим. XIV.

какъ и всегда по всей римской имперіи, жалобы противъ рабовъ раздавались непрерывно, и въ тоже время, повидимому, никто не могъ и представить себѣ, что можно обойтись и безъ нихъ. По свидѣтельству Златоуста болѣе всего жаловались на рабовъ язычники. „Они непрестанно говорятъ: рабы мятежны, непослушны, не склонны ни къ какому ученію и противятся всякому исправленію“ ¹⁾) Не болѣе довольны были ими и христіане. Почти въ каждомъ домѣ были слуги непокорные, грубые и лживые. Таковъ уже роковой законъ рабства (одно изъ лучшихъ доказательствъ того, насколько оно несправедливо и противно человѣческой природѣ), что даже самъ прогрессъ и смягченіе нравовъ, ослабивъ суровость господина и установивъ иѣкоторую близость въ его отношеніяхъ къ своимъ рабамъ, не содѣствовали благу послѣднихъ, а имѣли своимъ результатомъ крайнюю распущенность между ними, приводившую къ самымъ печальнымъ явленіямъ, такъ что иногда господа дѣлались рабами своихъ рабовъ. Такъ постоянно случалось, что рабы, изучивъ слабости своего господина, терзали его своими язвительными словами и намеками, пересмѣшивали его распоряженія, и онъ начиналъ бояться ихъ мнѣній, ихъ злозычія ²⁾). Если домъ управляется вдовою, то зло еще болѣе усиливается. Молодая госпожа дѣлается жертвою обмана и эксплоатациіи своихъ рабовъ. По самому ничтожному поводу они могутъ наклеветать на неповинную госпожу и эта клевета, подхваченная злозычнымъ обществомъ, могла разростаться въ чудовищную сплетню, дѣлавшую положеніе ея невозможнымъ. Конечно были и хорошиѣ рабы и, по свидѣтельству св. Іоанна Златоуста, это были по преимуществу—христіане. Правда, ветрѣчались проданные рабы и среди язычниковъ, каковыми, напр., былъ евнухъ Мардоній, воспитывавшій Юліана и пользовавшійся за это глубокою признательностью со стороны своего воспитанника ³⁾), но вообще язычество никакъ не заботилось о поднятіи нравственнаго самосознанія среди рабовъ и поэтому добрые рабы изъ языч-

¹⁾ На посл. къ Тит. IV.

²⁾ О статуяхъ XIII.

³⁾ Misopogon, 14 и сл.

никовъ были лишь счастливымъ исключениемъ. Напротивъ христианство, провозгласивъ всѣхъ людей братьями во Христѣ, вполнѣ признавало права свободной личности и за всякъ рабомъ. Весьма вѣроятно, что къ IV вѣку въ добрыхъ христіанскихъ домахъ большинство рабовъ были христіане же; но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало было рабовъ-христіанъ и въ языческихъ домахъ. Въ этомъ церковь между прочимъ видѣла одно изъ весьма полезныхъ средствъ распространенія христіанства, и Златоустъ возлагалъ немалую надежду на такихъ рабовъ. „Многія семейства, гдѣорить онъ, получили величайшую пользу отъ добродѣтели рабовъ; показываемые ими добрые примѣры оказывали дѣйствіе и на самого господина. То же самое бываетъ, когда это сокровище добродѣтелей раба находится близъ языческаго очага. Когда язычникъ видитъ, что его рабъ болѣе честенъ, болѣе преданъ, болѣе милосердъ, болѣе цѣломудренъ, чѣмъ эти столь хвастливые философы, и когда онъ узнаетъ, что этотъ рабъ есть христіанинъ, то ничто такъ не можетъ тронуть его; ничто вѣрнѣе не поразить и не убѣдить этихъ людей, которые не перестаютъ плакаться на непокорныхъ своихъ рабовъ“¹⁾.

Отецъ семейства, говорить св. Златоустъ, пользуясь часто употреблявшимся въ древности сравненіемъ, есть царь въ своемъ домѣ: не только богатый, окруженный безчисленной толпой рабовъ съ надзирателями надъ ними, по и бѣдный, у своего скромнаго очага, имѣя всего двухъ или трехъ слугъ, править своимъ домохозяйствомъ въ качествѣ верховнаго повелителя. Поэтому какъ тотъ, такъ и другой должны умѣть пользоваться своею властью умѣренно и благоразумно, и образцомъ при этомъ для нихъ долженъ служить Авраамъ, библейскій идеалъ доброго патріарха, къ которому то и дѣло Златоустъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей. Но какъ же вообще господа относились къ своимъ рабамъ во времена Златоуста? — Хотя Златоустъ, какъ проповѣдникъ-обличитель, больше обращалъ вниманія на отрицательныя стороны явленій, однако несомнѣнно, что христіанство уже успѣло смягчить нравы господъ и положеніе рабовъ значи-

¹⁾ На 2 посл. къ Фессал. V.

тельно улучшилось по сравненію съ языческими временами. Такъ рабы въ случаѣ болѣзни не выбрасывались изъ дома, какъ негодныя и бесполезныя вещи, но господа заботились о нихъ и приглашали къ нимъ врачей¹⁾). Объ этомъ же свидѣтельствуетъ одинъ, приводимый проповѣдникомъ, небезынтересный въ бытовомъ отношеніи разсказъ. Одна рабыня отдана была въ замужество за молодого раба, который оказался негодникомъ, порочнымъ и непослушнымъ, такъ что госпожа порѣшила отдатьться отъ него и продать его на рынкѣ. За нимъ должна была послѣдовать и его жена. Но послѣдняя обратилась къ подругѣ своей госпожи и умоляла ее, чтобы она упросила ея госпожу избавить ее отъ сообщества съ невыносимымъ для нея человѣкомъ. Погруга, обѣщавшись похлопотать за нее, потомъ забыла о своемъ обѣщаніи, но ей напомнило объ этомъ сновидѣніе, подъ влияниемъ котораго она и поспѣшила исполнить свое обѣщаніе²⁾.

Старое зло однако продолжало еще сильно сказываться въ отношеніяхъ господъ къ рабамъ, и послѣдніе не только часто подвергались жестокимъ побоямъ, но даже и дѣлались жертвами той униженной, звѣрской жестокости, которую такъ способно развивать такое ненормальное учрежденіе, какъ рабство. Тѣмъ больше чести тѣмъ истиннымъ поборникамъ идеи братства во Христѣ, которые и словомъ и дѣломъ ограничивали жестокіе инстинкты, и напр. самъ Златоустъ низложилъ одного изъ своихъ діаконовъ за нанесенные имъ побои своему рабу. Но пастыри церкви заботились не только объ огражденіи тѣль рабовъ отъ насилия, но еще болѣе цѣлились о спасеніи ихъ душъ. Для этого они старались внушить господамъ сознаніе того, что душа въ рабѣ такая же, какъ и въ господинѣ, и ее нужно уважать по всемъ правамъ свободной человѣческой личности. Златоустъ находилъ уже несправедливымъ, если раба женили вопреки его желанія; но еще болѣе онъ негодовалъ, когда господа, злоупотребляя своею властью, дѣлали изъ раба какое нибудь гнусное орудіе, когда напр. жадный человѣкъ дѣлалъ изъ раба орудіе своего хищничества, рас-

¹⁾ На Мате. LXXIV.

²⁾ На 2 посл. къ Фессал. V.

путникъ — орудіе своего разврата. Рабынь онъ неустанно защищалъ противъ животныхъ посягательствъ сластолюбивыхъ господъ, увѣщевая послѣднихъ уважать стыдъ и цѣломудріе и у самыхъ беззащитныхъ рабынь. Но проповѣднику приходилось защищать рабовъ и рабынь не только отъ господъ, но и менѣе и отъ госпожъ, и притомъ отъ ихъ крайне безсердечной жестокости. Знатные дамы часто относились къ своимъ рабамъ съ болѣшимъ безсердечіемъ, чѣмъ господа. Какъ часто случается, говорить Златоустъ, что если домъ стоитъ на площади или на перекресткѣ, прохожіе слышать крики ярости гнѣвной и жестокой госпожи и болѣзниные вопли избиваемыхъ ею раба или рабыни! Что можетъ быть позорнѣе этого? Всякій останавливается, спрашиваетъ, разумѣаетъ, что именно происходитъ въ домѣ. А ему отвѣчаетъ: это такая-то госпожа опять бьетъ свою рабыню. Несчастныя рабыни у иныхъ госпожъ не освобождались отъ синяковъ. Ярость зазнавшейся женщины иногда была безграничной. Чувствуя себя недостаточно сильной для удовлетворенія своего гнѣва собственоручными побоями, она иногда призывала къ себѣ на помощь мужа, провинившуюся рабыню раздѣвали до гола, привязывали къ столбу, и когда мужъ наносилъ ей удары, госпожа вторила его ударамъ своими ругательствами, называя рабыню и фессаліянкой¹), и бѣглянкой, и распутницей. Другіе, поваливъ провинившуюся рабыню на полъ, топтали ее ногами, таскали за волосы, и всѣ эти жестокости причинялись за какой нибудь пустякъ, въ родѣ маленькаго упущенія при туалетѣ госпожи, или обмолвки при титулованіи ея²).

Такія явленія глубоко возмущали душу пастырей церкви и они неустанно боролись противъ этого зла. Конечно, было бы странно требовать, чтобы даже пастыри могли вполнѣ сбросить съ себя иго многовѣковой древности и открыто проповѣдывать отмену рабства, какъ соціального учрежденія, каковая проповѣдь несомнѣнно повлекла бы за собою множество беспорядковъ и причинила бы больше вреда, чѣмъ пользы. И они далеки были

¹) Т. е. колдуноей.

²) На посл. къ Ефес. XV.

оть такой проповѣди; но они дѣлали больше этого, и не отрицая рабства въ дѣйствительности, подрывали его въ самомъ принципѣ, и такъ смотрѣли на него не только епископы и избранныйше представители христіанского общества, но и простые вѣрующіе. И этотъ отрицательный взглядъ на рабство явственно проходитъ въ твореніяхъ Златоуста. Разсуждая о самомъ происхожденіи рабства, онъ видѣтъ его источникъ, какъ и источникъ всякихъ зла, въ грѣхѣ, породившемъ всевозможныя бѣдствія. Грѣхъ былъ причиной проклятія, навлеченаго Хамомъ отъ своего отца Ноя на все свое послѣдующее поколѣніе, и это проклятіе именно и было первой основой рабства. „И сказалъ Ной: проклять Ханаанъ; рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ“ (Быт. IX, 25). Если рабство есть такимъ образомъ результатъ проклятія, то оно очевидно ненормально. Даже послѣ первороднаго грѣха люди долго еще жили, не зная рабства, и когда оно явилось какъ особое учрежденіе, то поддерживалось ни чѣмъ инымъ, какъ только алчностью и насилиемъ. Явившись такимъ образомъ изъ случайныхъ причинъ, оно по своему существу *неестественно* и могло поддерживаться только искусственно, господствомъ нечистыхъ страстей. Въ такомъ случаѣ логическій выводъ отсюда тотъ, что оно должно быть отмѣнено и во всякомъ случаѣ по существу своему несовмѣстимо съ христіанствомъ¹). Въ какомъ лучезарномъ свѣтѣ выступаетъ здѣсь великий святитель по сравненію даже съ такимъ свѣтиломъ языческой философіи, какъ Аристотель, который въ своей „Политикѣ“, какъ схемъ идеального государства, признаетъ рабство явленіемъ естественнымъ, имѣющимъ свое происхожденіе въ естественномъ превосходствѣ господъ надъ рабами, какъ низшими по самой своей природѣ²)!

Но не ограничиваясь принципіальнымъ отрицаніемъ рабства, какъ явленія неестественного, Златоустъ шелъ въ этомъ отношеніи дальше и не переставалъ вооружаться противъ него въ его наличности, со всѣми сопровождавшими его злоупотребленіями.

¹⁾ См. эти мысли въ Бес. о Лазарѣ VI; на посл. къ Ефес. XXII; на 1 посл. къ Тим. XVI.

²⁾ Arist. Polit. I.

Такъ онъ прежде всего возставалъ противъ жестокости въ обращеніи съ рабами. Если уже невозможно (какъ думали многие въ то время) обходиться безъ рабства, то пусть оно существует; но къ рабамъ нужно относиться такъ, чтобы они не чувствовали унизительности своего рабства. Этого требуетъ христіанство, сущность котораго и состоитъ въ томъ, что оно, провозглашая духовную свободу всѣхъ какъ чадъ Божіихъ, „въ самомъ рабствѣ лежать свободу“¹⁾). Съ этой точки зреянія теряеть свой смыслъ и самый вопросъ объ отменѣ рабства: для христіанства оно уже не существуетъ, ибо во Христѣ нѣть ни раба, ни свободнаго. Но такъ какъ не все въ данной степени проникнуты этимъ христіанскимъ сознаніемъ, то Златоустъ шелъ еще дальше, и не останавливался даже предъ попытками склонить своихъ слушателей къ фактическому освобожденію или отпущенію рабовъ. Конечно, сразу и безъ подготовки отпустить эту огромную массу людей, не привыкшихъ къ свободному труду и безопасно полагавшихся въ дѣлѣ своего пропитанія на господь, значило подвергнуть ихъ всяkimъ случайностямъ и бѣдственности, чтѣ могло по-этому угрожать всевозможными общественными потрясеніями; по-этому Златоустъ увѣщевалъ своихъ слушателей постепенно подготовлять почву для этого великаго дѣла—пріученіемъ рабовъ къ самодѣятельности и ремесленнымъ занятіямъ. „Вы должны, говорить онъ, научить ихъ ремеслу, которое дѣлало бы ихъ способными зарабатывать себѣ пропитаніе, и затѣмъ—освобождать ихъ“. Конечно, такой совѣтъ едва ли въ состояніи былъ сдвинуть эту вѣковую твердыню соціального зла, и потому слушатели не особенно принимали къ сердцу подобные совѣты, даже роптали на проповѣдника и изѣбвались надъ нимъ, какъ мечтателемъ, предающимся разнымъ неосуществимымъ химерамъ. Но великий святитель не смущался подобными заявленіями и продолжалъ дѣлать свое великое дѣло и — рано или поздно сознаніе человѣчества должно было проникнуться этими возвышенными идеями настолько, что вѣковое учрежденіе неизбѣжно должно было рушиться.

¹⁾ Τοιοῦτον δὲ χριστιανισμός ἐν δουλείᾳ ἐλευθερίᾳ χαρίζεται. На 1 посл. къ Кор. XIX.

Свои воззрѣнія въ этомъ отношеніи св. Иоаннъ Златоустъ такъ сказасть обобщилъ въ своемъ толкованіи на посланіе ап. Павла къ Филимону, — этотъ, какъ справедливо называютъ его, христіанскій манифестъ объ отмѣнѣ рабства, какъ нравственно соціального явленія. По своему содержанію и духу, это небольшое посланіе ап. Павла настолько соотвѣтствовало собственному глубоко гуманному настроенію самого Златоуста, что при истолкованіи его онъ очевидно изливалъ свою душу, и этотъ его комментарій дѣйствительно представляетъ образецъ истолковательного искусства. И нельзя не удивляться, съ какимъ вниманіемъ и любовью Златоустъ излагаетъ это посланіе, слѣдя слово за словомъ, истолковывая не только всякое высказанное положеніе, но проникая даже, такъ сказать, въ самую душу апостола — съ дѣломъ показать, что бы онъ могъ сказать еще, если бы написалъ это посланіе въ болѣе обширномъ объемѣ. Въ толкованіи на это посланіе Златоустъ показываетъ, какъ относился къ рабству такой дивный выразитель христіанства, какъ ап. Павель. Въ своемъ отношеніи къ несчастному бѣглецу-рабу Онисиму онъ проявилъ и необычайную добруту и вмѣстѣ глубокую мудрость. Хотя онъ и усыновилъ себѣ (духовно) покаявшагося Онисима, однако такъ какъ послѣдній по своему общественному положенію былъ рабъ Филиона, то онъ не оставилъ его при себѣ, а отправилъ по принадлежности, къ его дѣйствительному господину Филимону. Этимъ апостолъ хотѣлъ показать, что христіанство не есть такое ученіе, которое стремилось бы къ ниспроверженію общественного порядка; оно стремилось только къ преобразованію религіозно-нравственного состоянія человѣчества, не касаясь прямо установившихся общественно-государственныхъ формъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ апостолъ не преминулъ и походатайствовать за Онисима, который, сдѣлавшись христіаниномъ, по этому самому уже пересталъ быть для своего господина Филиона, какъ тоже христіанина, простымъ рабомъ, а сдѣлался для него братомъ возлюбленнымъ. Такой переходъ былъ немыслимъ въ язычествѣ и его не въ состояніи была переварить никакая языческая философія, но онъ былъ вполнѣ естественъ для христіанства, которое навсегда порѣшило, что до-

стоинство человѣка опредѣляется не по его виѣшнему положенію, а по его душѣ, и въ этомъ отношеніи роли могли измѣняться до неузнаваемости: самый высокій и властительный господинъ могъ быть самымъ жалкимъ рабомъ своихъ страстей и своей плоти, и напротивъ, самый ничтожный и жалкій рабъ могъ быть свободнѣйшимъ изъ свободныхъ, если онъ былъ полновластнымъ господиномъ своей плоти. А эта духовная свобода въ свою очередь неминуемо сказывалась и на виѣшнемъ положеніи людей, и если уже раньше бывали случаи, когда рабъ становился пресвитеромъ или епископомъ, а господинъ его оставался простымъ міряниномъ и следовательно переходилъ въ подчиненное къ нему положеніе, то это очевидно было уже началомъ и дѣйствительного разрушенія рабства, которое наконецъ и пало со временемъ какъ явленіе, не совмѣстимое съ христіанствомъ.

Обобщая все изложенное, нельзя не замѣтить, что воззрѣнія св. Іоанна Златоуста на семейные отношенія, находясь съ одной стороны въ ближайшемъ соотношеніи съ требованіями вѣка, еще болѣе—съ другой стороны—вытекаютъ изъ того вѣчнаго идеала, который начертанъ для нихъ въ законѣ Божіемъ. Хотя въ IV вѣкѣ христіанство уже окончательно восторжествовало надъ язычествомъ и сыны его возсѣдали на престолѣ кесарей, однако язычество еще не уступило окончательно и продолжало вести внутреннюю борьбу, опираясь на вѣковой складъ бытовыхъ условій и отношеній жизни. Даже въ городахъ населеніе все еще оставалось наполовину языческимъ, и это языческое общество не могло не оказывать сильнаго вліянія и на христіанъ, въ жизни которыхъ тоже продолжало сохраняться много языческихъ или полуязыческихъ воззрѣній и обычаевъ. Нужно было искоренять эти застарѣлые обычанія, и Златоустъ, какъ дѣятельный пастырь и проповѣдникъ, вели неустанную борьбу съ этими остатками отживавшаго язычества. Такъ какъ язычество имѣло источникъ своей силы въ страстиахъ и прелестяхъ міра сего, то наиболѣе дѣйстви-

тельнымъ способомъ противодѣйствія ему было удаленіе отъ міра сего, какъ дѣйствительно и поступали многіе истинные ревнители христіанского благочестія. Пустыни Сиріи и Египта были наполнены отшельниками, которые по примѣру Антонія Великаго убѣгали туда отъ обольщеній міра сего для достиженія духовнаго совершенства на свободѣ отъ всѣхъ связей и путь обыденной жизни съ ея злобами и суетой. Самъ Златоустъ въ юные годы своей жизни также отдалъ дань этому требованію возвышенаго идеала и провелъ нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ, въ самомъ суровомъ подвижничествѣ. Но когда онъ Промысломъ Божіимъ поставленъ былъ опять среди міра на служеніе въ качествѣ патыря, то естественно и здѣсь онъ не могъ отрѣшиваться отъ своего идеала и поставилъ своею цѣлію трудиться надъ преобразованіемъ общества въ духѣ этого идеала. Конечно, все христіанское общество нельзя было превратить въ монастырь, да этого не требовало и само христіанство; но внести въ это общество тотъ духъ, которымъ руководились великие подвижники въ своемъ стремленіи къ христіанскому совершенству, значило окрылить его такимъ же стремленіемъ и дать ему новую силу въ борьбѣ съ окружающими искушеніями. Такъ какъ основой общественной жизни служить семья, то на нее онъ именно и обратилъ свое главное вниманіе, стараясь поставить ее на высоту возможнаго совершенства. Онъ старался искоренять остававшіеся въ ней языческія воззрѣнія и обычаи, накладывавшіе слишкомъ мірской отпечатокъ на воспитаніе и на всѣ связанныя съ нею явленія (свадьбы, похороны и пр.). Вонреши языческой распущенности онъ настаивалъ на святости брачныхъ узъ, провозглашалъ равенство супруговъ въ ихъ обязанностяхъ предъ нравственнымъ закономъ, и проповѣдывалъ законъ Божій во всей его чистотѣ и возвышенности, не приспособляясь къ слабостямъ человѣческимъ. При всемъ томъ въ его проповѣдяхъ и бесѣдахъ никогда не звучитъ тонъ безсердечнаго, сухого цензора, умѣющаго только порицать и обличать. Нѣть, въ нихъ слышится тонъ любящаго отца, который страдаетъ при видѣ несовершенствъ своихъ дѣтей и радуется ихъ исправленію. Въ этомъ отношеніи образцомъ для него былъ ап. Па-

вель, духъ которого какъ бы воилотился въ великомъ святителѣ. Самъ пройдя извѣстный опытъ духовнаго воспитанія, онъ естественно хотѣлъ, чтобы и всѣ его слушатели прошли этотъ же искусъ, и напр. въ отношеніи молодыхъ людей онъ желалъ, чтобы они, прежде чѣмъ вступать на почище полной искушеній жизни міра сего, на время подвергали себя опыту отшельническаго подвижничества, которое одно только и могло придать имъ необходимый нравственный закалъ. Да и не только молодые люди: все семейство должно бы представлять собою ту строгую школу, въ которой могли бы воспитываться истинныя христіанскія добродѣтели. Вѣдь въ сущности христіанство одно и для подвижниковъ пустыни и для членовъ семьи. Различіе между отшельниками и семейными людьми заключается только въ одномъ, именно въ бракѣ послѣднихъ. Но „бракъ не препятствуетъ добродѣтели; тѣ, которые живутъ въ мірѣ семье, должны во всемъ, кромѣ брака и вопреки ему, уподобляться монашествующимъ“¹⁾). Конечно, такія слова не могли не смущать многихъ, которые думали, что всѣ постановленія нравственнаго закона во всей ихъ строгости обязательны только для монаховъ; но Златоустъ никогда не поступался высотою этихъ нравственныхъ требованій и часто повторялъ ихъ. Истинный христіанинъ тотъ, кто постоянно живеть согласно съ требованиями церкви, и поэтому каждый домъ въ сущности долженъ представлять изъ себя церковь. Не только всѣ члены семейства должны ходить въ церковь, не только отцы семействъ должны водить туда своихъ дѣтей, женъ и рабовъ,—нѣть, кромѣ того каждый домъ долженъ представлять собою церковь по самому тону и распорядку внутренней жизни. Такъ отецъ семейства, по возвращеніи изъ церкви, долженъ, собравъ всѣхъ своихъ домочадцевъ, воспроизвестъ предъ ними вкратцѣ все слышанное въ церкви, и вообще поддерживать духъ церковности чрезъ чтеніе Слова Божія. Примѣромъ въ этомъ отношеніи могъ служить благочестивый Филимонъ, у которого была своя „домашняя церковь“, что нужно понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, что самыи его домъ

¹⁾ На посл. къ Евр. VII. Сравни ва Мате. VII, 7: «Ибо всѣ законы у насъ общи съ монахами, кромѣ брака».

по своему благоустройству и духу былъ какъ бы воспроизведеніемъ церкви. Нужно поэтому подражать Филимону, и всѣ увѣщанія великаго святителя въ этомъ отношеніи сводятся къ положенію, чтобы каждый христіанинъ изъ своего дома дѣлалъ церковь ¹⁾). И такое требованіе вытекаетъ изъ самаго существа церкви, которая имѣть своимъ назначеніемъ обнять всю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Если бы осуществился этотъ идеаль, то сама собою прекратилась бы и та страшная борьба, какую духъ міра сего ведетъ противъ церкви Божіей. Ему не было бы места болыше на землѣ, такъ какъ вездѣ господствовала бы церковь, проникая своимъ духомъ всѣ отношения и формы человѣческой жизни и повсюду водворился бы духъ истинной жизни. Но хотя этотъ идеаль во всей его полнотѣ неосуществимъ вслѣдствіе самыхъ немощей человѣческой природы, однако приближеніе къ нему возможно, и къ осуществленію этой возможности и должны быть направлены всѣ помыслы и усилія всѣхъ истинныхъ сыновъ св. церкви.

А. Райнъ.

¹⁾ Это назиданіе св. И. Златоуста близко принимали къ сердцу наши благочестивые предки, когда они придавали внутренности своихъ домовъ виѣшность, напоминающую церковь. Еще и теперь не рѣдки (особенно среди купечества) дома, въ которыхъ по крайней мѣрѣ одна комната въ такомъ изобиліи украшена иконами и лампадами, что, входя въ нее, невольно чувствуется присутствіе глубокаго духа церковности, стремящагося даже въ частномъ домѣ создать себѣ нѣчто въ родѣ церкви.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки